

- ²⁴ Лапкин В. В., Пантин В. И. Указ. соч. С. 49.
- ²⁵ Горелик Д. С. Институциональные предпосылки политической модернизации в России // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2011. Т. 11, вып. 4. С. 111.
- ²⁶ Зимин В. А. Политические модернизационные процессы в Российской Федерации // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 12. С. 74.
- ²⁷ Тянь В. В. Политическая модернизация России в постсоветский период (характеристики и факторы своеобразия) // Власть. 2009. № 9. С. 18.
- ²⁸ Шилов В. Н. К вопросу о политической модернизации в современной России // Политика и общество. 2010. № 4. С. 6.
- ²⁹ Тянь В. В. Указ. соч. С. 19.
- ³⁰ См. : Гаман-Голутвина О. В. Политические элиты России : вехи исторической эволюции. М. : РОССПЭН, 2006. С. 322.

УДК 32.019.5 – 053.81

РОССИЙСКИЕ СМИ КАК «АГЕНТЫ»: НОВЫЕ АСПЕКТЫ ТРАДИЦИОННОГО КОНФЛИКТА МЕДИЙНЫХ И ВЛАСТНЫХ СТРУКТУР

А. В. Россошанский

Саратовский государственный университет
E-mail: avrossoshanskiy@mail.ru

В статье рассмотрены те тенденции, которые имеют место в деятельности российских законодателей в политико-правовом регулировании функционирования отечественных СМИ. Стремление ограничить для российских медийных структур воздействие зарубежных информационных процессов рассматривается не только в контексте политического и информационного суверенитета государства, но и с позиций информационного обеспечения интересов гражданского общества в современной России.

Ключевые слова: СМИ, политический суверенитет, информационный суверенитет, гражданское общество, медийные структуры, властные структуры.

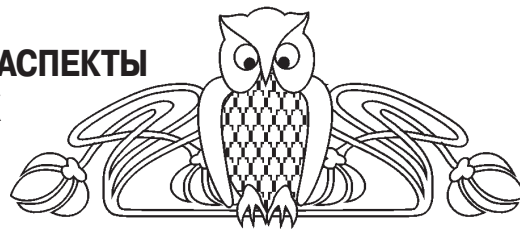
Russian Mass Media as «Agents»: New Aspects of Traditional Conflict between Media and Power Structures

A. V. Rossoshansky

The article is about tendencies observed in Russian lawmakers' activities while juridical and political regulating of the mass media. An intention to defend Russian media structures from the influence of foreign informational processes is viewed not only in the context of political and informational sovereignty of a state, but with regard to informational guarantee of civil society's interests in modern Russia too.

Key words: mass media, political sovereignty, informational sovereignty, civil society, media structures, power structures.

Конфликт интересов СМИ и институтов государственной власти – это норма современной политики. Власть, какой бы демократичной или авторитарной она ни была, обычно уверена, что журналисты «лезут» куда не следует, излишне будоражат общественное мнение не теми вопросами, на которые эта власть сегодня готова дать прямой ответ. Работники медийных структур, в свою очередь, привычно подозревают и обвиняют власть в намерении что-то скрыть от них и общества, не дать доступа к чему-то принципиально

важному для повседневного самочувствия людей. Это как важный индикатор общего «здоровья» политики: если журналисты и чиновники критикуют друг друга, то граждане могут спать спокойно.

С другой стороны, применительно к ситуации в современных обществах и государствах, в которых информационные потоки и информационные ресурсы приобретают значение ключевого фактора всего развития этих систем, к такого рода конфликтам уже нельзя относиться просто как к «старой доброй традиции». В этих конфликтах обнаруживается нечто новое, характеризующее общие подвижки в качестве современной политики. Одним из последних по времени и резонансных примеров такой конфликтной ситуации стала история с внесением в Государственную думу и последующим отклонением так называемого «закона о правде», или «закона о СМИ – иностранных агентах».

Если кратко, то суть дела в следующем. Депутат от «Единой России» Евгений Федоров, несмотря на неодобрительные отзывы некоторых других членов партийной фракции в российском парламенте, вместе с депутатами Антоном Романовым и Магомедом Селимхановым внес в Думу законопроект, в котором предложил (в виде поправок в действующий Закон «О средствах массовой информации») наделять СМИ статусом «иностранных агентов», в случае если они получают зарубежное финансирование в той или иной форме¹. Очевидно, что предложение построено по аналогии с законом, который наделяет таким же статусом некоторые российские общественные организации. В частности, депутат предложил дополнить вторую статью этого Закона, характеризующую основные понятия, соответствующим определением «СМИ как иностранного агента». Автор законопроекта предложил трактовать это понятие достаточно широко, что, по всей видимости, и вызвало возражения его коллег по фрак-

ции. Под это понятие попадают те СМИ, которые получают деньги и имущество (в объеме более 50% от собственных доходов) от «иностранных государств, их госорганов, международных и иностранных организаций, иностранных граждан, лиц без гражданства либо уполномоченных ими лиц и (или) от российских юридических лиц»². Имеются в виду, по-видимому, как раз те общественные организации, которые уже были прежде причислены к разряду «иностранных агентов». В ст. 25 Закона «О средствах массовой информации» было предложено ввести обязательное для всех СМИ требование помечать свою печатную и электронную продукцию значками, сообщающими читателю, что он имеет дело с информацией, отражающей «зарубежный взгляд» на те или иные проблемы внутренней и внешней политики России³.

В ходе дискуссии, развернувшейся в Интернете по поводу данной инициативы, было высказано немало опасений относительно того, что нет возможности различить на деле «политическое финансирование» и простой бизнес, когда медийная структура получает доход от рекламы (например вполне качественной косметики зарубежных компаний). Высказаны были опасения и относительно судьбы акционерных обществ с участием иностранного капитала, которые действуют в России и от которых СМИ нередко получают поддержку. Автор законопроекта активно все эти опасения отвергал и опровергал. Но интересны не только и даже, может быть, не столько сами по себе эти споры по частным позициям и формулировкам, отраженным в законопроекте, сколько то, что разработан был этот законопроект инициативной рабочей группой, созданной в Госдуме по итогам проведения круглого стола на тему «Российская власть и вопросы суверенитета». Прежде плодом работы этой группы стал закон, запрещающий российским чиновникам владеть собственностью за рубежом. Так что счесть инициативу депутата Федорова попыткой саморекламы невозможно, это реализация определенной стратегии, у которой есть свои сторонники во властных структурах. И мотив их приверженности этой стратегии депутат Федоров сформулировал предельно четко: «Это законы, направленные на защиту суверенитета»⁴. Имеется в виду, конечно, государственный суверенитет.

Через некоторое время в СМИ появилась информация, что законопроект отозван самими его разработчиками и Госдума не будет его обсуждать⁵. Как сообщили СМИ, законопроект был снят с повестки дня на пленарном заседании Госдумы по просьбе председателя профильного комитета по СМИ Алексея Митрофанова.

Казалось бы, назревающий конфликт интересов властных и медийных структур, один из ряда многих сегодня, исчерпан, и о нем можно забыть. Представляется, однако, что это конфликт знаковый и на него имеет смысл обратить более

пристальное внимание. Потому что речь, в сущности, идет именно о политическом суверенитете, о том, между кем (государством, медиаструктурами, институтами гражданского общества и т. д.) и в каких пропорциях этот суверенитет может и должен быть распределен с учетом новых внутривластных и глобальных тенденций. Если конкретнее, то речь идет о той части государственного суверенитета, которую можно назвать «информационным суверенитетом», и которая в современных условиях становится одним из ключевых факторов в информационной политике и в политике вообще. В условиях глобализации меняется структура информационного пространства, меняется состояние государственных институтов, включенных в информационный обмен. Соответственно, образуется связь между изменениями в состоянии информационного суверенитета и состоянии других компонентов государственного суверенитета. Можно констатировать, что акцент, который делается в развитых странах мира на коммуникативной стороне политики, свидетельствует о том, что именно информационный суверенитет рассматривается в качестве одной из ключевых характеристик общественно-политического устройства, от которой непосредственно зависит состояние всей системы государственного суверенитета.

Тот конфликт, пример которого был приведен выше, как раз обозначает тенденцию, обнаружившуюся в российской политике, что в центре политического конфликта государственной власти и медийных структур сегодня оказываются уже не частные интересы отдельных институтов, учреждений или лиц, а принципиальные вопросы состояния всей российской системы государственных и общественных отношений. Речь идет уже не о простом распределении (например между бюрократией и бизнесом) «дивидендов» от использования информационного ресурса политики, а о том, кто и в какой мере будет реальным носителем информационного суверенитета, то есть будет обладать реальными возможностями не только контроля над производством и распространением политически ценной информации, но и возможностями блокирования аналогичных претензий со стороны политических конкурентов.

Если рассматривать вышеприведенную конфликтную ситуацию с этих позиций, то вполне понятно, что есть некий новый симптом в российской информационной политике. Длительное время естественный политический конфликт медийных и государственных структур развивался в рамках либеральной парадигмы, то есть в рамках представления, что информационный суверенитет не может быть в принципе монополизирован кем-либо, ни структурами гражданского общества, ни структурами государства, и лишь СМИ выступают в этом важном вопросе в качестве профессиональных медиаторов во взаимоотношениях общества и власти. В соответствии с этой парадигмой был

выстроен и упомянутый закон «О средствах массовой информации», в который планировалось внести поправки, фактически сужающие такие медиативные полномочия российских СМИ. Теперь, по сути, была сделана пробная попытка со стороны государства того, чтобы сориентировать российскую информационную политику на другую парадигму, а именно на максимальное преобладание государственного информационного суверенитета в системе современной политики, на максимальное блокирование неподконтрольных непосредственно российскому государству каналов движения информации.

Заявка не прошла с первого раза. Но это не значит, что в других формах и другими средствами она не будет повторена (поскольку она логична в контексте того состояния политического процесса, которое мы имеем сегодня в нашей стране). Эта попытка, как представляется, есть симптом другой, может быть, даже более серьезной проблемы, для современной России, можно сказать, цивилизационной. Это проблема состояния гражданского общества. Не только в его институциональных характеристиках, а, прежде всего, в аспекте способности сообщества российских граждан консолидированно сформулировать, общественный запрос на свою долю информационного суверенитета, а сообщества российских исследователей этот запрос выявить и представить государственной власти в виде того политического обстоятельства, с которым власть должна считаться.

По многим другим критериям гражданское общество в нашей стране сегодня вроде бы формируется, но по информационному критерию оно отсутствует как таковое. Потому как ни граждане, ни специалисты, изучающие их мнение, не могут сегодня четко сказать, сколько и какой информации нужно людям, чтобы они ощутили себя гражданами, полноценными субъектами политики и при этом не переступили ту грань, после которой гражданская лояльность заканчивается и начинается политический экстремизм.

Примеров последнего сегодня множество и в Украине, и в странах Ближнего Востока и Северной Африки. Собственно, именно эту грань контролировать и оберегать граждан от возможности ее переступания и планировали разработчики соответствующих поправок в российский Закон о СМИ. А естественным путем такое понимание и установление необходимого уровня информированности граждан о свойствах внутренней и внешней политики, особенно в отсутствие государственной идеологии, будет происходить мучительно долго и с непредсказуемым конечным результатом. Именно качество потребности политически активного человека в политической

информации определяет его и всего общества «градус гражданственности». Неопределенность с запросом общества на качество политической информации лишает большей части смысла и общественный запрос на информационный суверенитет. На это исчезновение смысла, собственно, и среагировали разработчики упомянутых выше поправок. Российское общество в нынешних политических, экономических и культурных условиях в лучшем случае может действовать по аналогии: хотим обладать информацией в том объеме и качестве «как на Западе», «как принято в демократической политике» и т. д.

В подтексте любого подобного запроса уже просматривается то «покушение» на государственный суверенитет, на которое институты власти неизбежно будут раз за разом реагировать, в том числе посредством законотворческих инициатив. Это ставит государство в выгодное положение в процессе взаимодействия с гражданским обществом: оно может не только отстаивать свой информационный суверенитет, но и навязывать обществу его формат и конкретные свойства в конкретных ситуациях, связанных с использованием в политике Интернета, печатных СМИ, каналов передачи учебной информации в системе школы и вуза. В перспективе – это естественная предпосылка к тому, что государство будет предпринимать шаги к превращению своего приоритетного обладания информационным суверенитетом в монополию, подобно тому, как ранее оно монополизировало финансовый, военный и правовой суверенитеты в структуре суверенитета государственного. Здесь, возможно, как раз и формируется сегодня канал выхода современных государственных систем из того кризисного состояния, в которое их повергают современные процессы глобализации: государственный суверенитет сталкивается с вызовами и рисками самого разного свойства, но при этом его реструктурирование и появление новых качеств повышает вероятность его адаптации к новым реалиям политической жизни современных обществ и государств.

Примечания

- ¹ Агенты массовой информации. В Думу внесен «закон о правде», законопроект о средствах массовой информации – «иностранных агентах». URL: http://www.gazeta.ru/politics/2012/07/18_a_4685069.shtml (дата обращения: 20.01.2014).
- ² Там же.
- ³ Там же.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Отозван законопроект о СМИ – «иностранных агентах». URL: <http://news.mail.ru/politics/16575610/?frommail=1> (дата обращения: 20.01.2014).